

ИЗ ЦИКЛА «МУЖИК ФЁДОР»¹

Новеллы

Как поссорились мужик Федор и Патрикей Болотников

Милые бранятся – только тешатся.

Постараюсь быть точным. Федор сидел за столом и слушал передачу радиостанции «Юность». Вечерняя зорька светила прямо в окно, когда в избу дробовым зарядом влетел кот Хома. Шерсть его стояла дыбом. Не глядя на хозяина, Хома метнулся на печь, залег и замер.

Кота своего Федор не видел вторую неделю и уже начал скучать. Конечно, он подозревал, что рыжий прохвост проводит время у кошки соседа Патрикее Болотникова, однако проявлял снисходительность, сочувствуя в глубине души любым романтическим порывам. Порою мужику казалось, что с ним самим – в этом плане – еще может приключиться нечто волнующее; но Дуся, заметив лукавое, мечтательное выражение на физиономии мужа, всегда вовремя ухитрялась найти ему какую-нибудь работу по хозяйству...

По радио передавали песню «Увезу тебя я в тундру». Разнежась, Федор решил спокойно дослушать ее чарующую мелодию, а уж потом потолковать по душам с Хомой и выяснить, почему кот прячется на печи и дрожит мелким бесом.

Внезапно за порогом раздался яростный топот, в сенях – грохот ведра... И в распахнутых дверях появилась разгоряченная Акулина, жена Патрикее. Она втащила за руку своего семнадцатилетнего сына Алешку.

– Иди, иди сюда, Леш... Неча стесняться! Они нам за все заплотют!

Рубаха на парне была разорвана. Бугайная шея и могучие руки – в кровавых царапинах.

– Кто это его?! – Федор вскочил с лавки. – Неужто опять к девкам приставал?

Парень стоял потупившись, кривя губы, и сплевывал на пол.

– Все котятра твой, Хома! – застонала Акулина... – Чтоб он от лишая окочурился, паразит, гнида!

– Мя-а-а-у! – злобно донеслось с печки.

– Здеся он! Попался! – не скрывая мстительной радости, завопил Алешка.

– Но-но, вы не очень-то! – вмешалась Дуся. – Толком объясните.

– Неча тут объясняться, – угрюмо угрозил парень, – в первую голову Хоме все кишки выпускаю.

– Не шуми, пацан, – строго одернул его мужик. – А то, ишь, нос задрал, грамотный! Поди вон умойся лучше. Кровища твоя дурная так и хлещет!

¹ Новеллы из цикла «Мужик Федор» переносят читателя в российское так называемое Нечерноземье 70-х годов теперь уже прошлого века, в село Опухлики. Повествование ведется от лица друга мужика Федора – интеллигента, москвича, краеведа Еврипида Бурдына, которого Федор по-свойски и для простоты именует Ерепеем. (Прим. автора).

- На глазах у Лешки выступили слезы, он взвыл и бросился к рукомойнику.
- Довели мальчонку! – перешла было на личности Акулина.
- Но Федор остановил ее:
- Не шебурши, Акулька. Говори, чем Хома провинился: не такой у меня кот, чтоб ни с того ни с сего на людей бросаться. Он даже мышей не ловит.
- То-то, что не ловит... А колбасу жрет, сволочь! Какой кусище я к потолку подвесила! Кра-а-ковская... Патрикей из столицы привез. Есть бы да есть! А он, черт рыжий... С пола ведь, с пола сиганул! И как допрыгнул только?
- Неужто весь круг уволок? Ай да Хома! – мужик Федор закашлялся.
- А я про что говорю? Уволок! И сожрал на местах... – Акулина всхлипнула. – Прихожу в дом, а он лежит – отдувается, ну чистый пузырь! И Муська сыта... Одна веревочка слюнявая осталась.
- Может, это Муська твоя колбасу слямзила, а Хома только присутствовал?
- Да куда ж ей, брюхатой!
- А может, брюхо-то у ней от колбасы раздулось?
- Ты че, Федор, совсем за дуру меня держишь? Все Хома твой, разбойник!..
- Ладно, согласен, – сказал мужик. – Дальше-то что?
- Как это че? Стала я думать, какую бы казнь ему учинить. Тут Лешка с работы приходит – тоже выражаться начал... Говорит, дело непростое: на речку далеко ходить. Ну взял он его в мешок, я веревку прихватила. Пошли на огород... Давил его Лешка, давил – а он, бестия, вишь, вырвался... Паренька в клочья – и побег.
- Федор нахмурился:
- И чего ж ты теперь, Акулина, желаешь?
- В суд подам! Откупись, Федор, – лучше будет. Ты ж наемни зарплату получил... Наверняка еще не все пропил. Двадцать рублей давай!
- Та-а-ак! – Дуся подбоченилась, правый глаз ее почернел, как ночь. – Непьющего мужика оскорблять?! Денег требовать! Слыхал, муж: судами нам угрожают! Чхала я на их суды. По какому праву они чужих котов казнить будут?!
- Мя-а-у! – подтвердил с печки Хома.
- Он колбасу сожрал! – рявкнул Алешка, вытираясь полотенцем.
- Молчи, сосунок! И вы, бабы, – тоже, – веско произнес Федор. – Щас я сам суд произведу... Ну, Леха, отвечай, как же ты давил Хомку?
- Веревку на шею накинуд по верх мешка, ну и тягал в разные стороны.
- А ты, Акулина, что делала?
- Ясно – че... Рядом стояла. Слышу, он хрипеть перестал, – я и в дом пошла.
- А ты, Лексей?
- Сказала ж мать. Как он трепыхаться кончил, гад живучий, я петлю отпустил. Тут он и рванул из мешка. Зенки выкатил – и на меня, словно с того света... Я чуть не помер со страху!
- А скажи-ка мне, парень, – лицо мужика Федора стало медленно наливаться кровью, – как же решился ты на такое дело? Тебя этому в школе учили? Этому?!
- Мне мать пятерку дала.
- Все-таки сын родной! – загордилась Акулина. – Патрикей в райцентре... А если кого со стороны позвать, никто меньше двух бутылок нынче не возьмет: жулики вы все, мужики, пьяницы...
- Фашиста, палача выкормила ты, Акулька! – закричала Дуся. – Это надо ж – за пять рублей живое существо мучить! И сама ты хороша стерва! Обрадовались, схватили кота беззащитного, а он небось и бежать-то не мог посла колбасы!
- Мя-а-а-ау! – жалобно пискнул виновник скандала.
- Болотниковы явно были огорошены таким поворотом.
- Нет, мать, – мужика Федора прорвало, – они хуже фашистов! Они эти... Как их?.. Дебилы они! Вон отседова! Я до Верховного Совета дойду!

– Ну, Федор, погоди! – Акулина помахала своим сухощавым кулаком. – Вернется Патрикей, он тебе покажет Верховный Совет!

Она хлопнула дверь. Алешка сплюнул в Дусино полотенце и последовал за матерью.

В два часа ночи Федор с женой проснулись от стука в дверь. Заспанный мужик, отворив, не сразу узнал соседа: Патрикей был в галстукее...

– Я, Федор, с тобою ругаться не намерен, – сказал он, четко выговаривая слова. – Прими письменный ультиматум. Срок на обдумывание – двадцать четыре часа.

Болотников повернулся и ушел, выпрямив спину.

Федор развернул скатанный трубочкой тетрадный листок. Претензии соседа были изложены в шести пунктах:

1. Выдать на расправу Хому (в мешке);
2. Оплатить колбасу (3 р. 40 коп.), купейные билеты – до Москвы и обратно (16 р. 00 коп.), суточные: день отъезда плюс день приезда (5 р. 20 коп.);
3. Оплатить порванную рубаху (12 р. 00 коп.);
4. Оплатить кровавые раны (100 граммов крови по таксе донорского пункта – 10 р. 00 коп.);
5. Возместить словесные оскорбления в денежной форме:
за «стерву» – 4 р. 62 коп.
за «палача» – 5 р. 25 коп.
за «фашистов» – 8 р. 12 коп.
за «дебилов» – 9 р. 12 коп.²

Всего принести в конверте 73 рубля 71 копейку (и это еще по-божески!);

6. Принести извинения в письменной форме. А именно: покаяться.

Затем следовало предупреждение: «В случае невыполнения данного ультиматума на охоту лучше не ходи: спрошу по всей строгости советских законов.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОХОТИНСПЕКТОР П.Е. БОЛОТНИКОВ»

Утром Федор приколот «ультиматум» кнопкой на виду в отхожем месте (там я и познакомился с этим документом: висел он не менее двух месяцев, пока не был использован)...

По истечении срока ультиматума, тоже в два часа ночи, мой друг загрохотал сапогом в дверь Болотниковых и передал Патрикею, который ждал и не ложился спать, письменный ответ по всем пунктам. Дома у мужика на всякий случай осталась копия:

«1. Друзей не выдаю. Хому не видать вам, как своих ушей. За то, что шкуру ко-ту веревкой попортили (а шкурка денег стоит), взять бы с вас десятку, как минимум! А уж попорченную психику Хомки никакими деньгами не возместить.

2. 3 р. 40 коп. платить не стану. Акулина пускай в другой раз колбасы на замок запирает. А и цены знаем – не за печкой на свет родились: чтобы круг колбасы краковской на весь килограмм потянул – это уж навряд ли... Нечего мне мозгу вкручивать! 16 р. 00 коп. тоже платить не стану. Брешешь, Патрикей, про купе: в общем вагоне ездешь, как все люди... Во-вторых, еще небось кругов десять этой колбасы в леднике лежит; да и не за одной колбасой шлялся: масло покупал, Ду-ся говорит, банку селедки, заварку к чаю, конфетки... А чаю с конфетами мой Хо-ма не пьет. Так что о суточных не заикайся! Любой суд тебе всю катушку накрутит за лживость, шантаж и вымогательство...

² Полагаю, Патрикей имел в виду только что установленные новые цены на вино-водочные изделия (и тем самым намекал на путь к примирению), хотя, возможно, он взял цифры и «от фонаря»...

3. Рубаху заштопаете – невелики кулики! Да и не покупали-то ее: Акулина шила... А матерьяльчик она же на ведро картошки у цыгана выменяла.

4. Царапины Лешкины заживут, как на собаке, – без йода. К тому ж кровопускание для здоровья ему полезно.

5. Расценок таких за слова, в справедливом гневе сказанные, не знаю. И догадываться не хочу. Потом, свидетелей у вас нет.

Стало быть, денег не дам.

6. Сами покайтесь – перед совестью своею. Вам до смерти грехов не замолить. Передо мною можете не виниться. Коту под хвост ваши извинения, хотя Лешка нам в полотенце плюнул...

Законы советские, Патрикей, не хуже твоего знаю. А ты слаб в коленках, чтоб меня в лесу поймать.

Мать-перемать.

Ф.Ф. ГАКОВ»

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Засвидетельствовать Алешку в медпункте Акулина не догадалась, и пока раздумывала, стоит ли судебная овчинка выделки (поскольку была убеждена: не подмажешь – не поедет), царапины действительно без йода зажили так, что и следов не осталось. Рубаху, как и предсказывал Федор, она по-хозяйски подштопала, уничтожив тем самым еще одно вещественное доказательство.

Мой друг тоже не слишком спешил привести в исполнение свою угрозу – дойти до Верховного Совета.

Однако атмосфера сгущалась. Напрасно кружила Муська вокруг да около Федоровой пятистенки, ласково помякуивая. Хому для его же блага за порог не выпускали. Вечерами мужик выгуливал кота на короткой веревке под ехидными взглядами Алешки, который неизменно отирался поблизости с колом в руках.

Федор врезал пятирублевый замок и, выходя из дома по любой надобности, запирает теперь входную дверь на ключ. Дуся и Акулина, встречаясь на улице, мрачно молчали. А на ферме по рабочим вопросам общались через посредницу – девяностолетнюю уборщицу Акимовну. Бодрая старуха, приставив к уху ладонь, металась между ними – исполнительно, но, к сожалению, не всегда точно передавая информацию. Разговор приобретал примерно такое свойство:

ДУСЯ: – Эй, Акимовна!

АКИМОВНА: – Ась?

ДУСЯ (*показывая взглядом на Акулину*): – Скажи этой, чтоб не стояла руки в боки, пусть бидон вынести поможет.

АКИМОВНА (*досеменя до Акулины*): – Акуль, Дуся ховорит: бери нохи в рухи, а то бык Хвидон занеможет!

АКУЛИНА: – Скажи этой, что Гвидон здоров и пасется. Не наша забота! А коли ей больше всех нужно, пусть сама к ветеринару бежит.

АКИМОВНА (*досеменя до Евдокии*): Дусь, Акуля ховорит, что сама недужна – дрожит чегой-то, как в пешне поется...

ДУСЯ (*поднимая бидон сама*): Скажи этой, пусть идет к чертовой матери!

Разумеется, долго так продолжаться не могло: надои резко ухудшились. Но поведение самого Болотникова уже не укладывалось ни в какие рамки. Я получил от своего друга тревожное послание. Федор писал:

«Ерепей, голубчик!

Душа кровью обливается за Патрикея. Сызмальства мы с ним первые корешки. Не один пуд соли слопали! Пацанами вместе немцев партизанили. По три года Родине в одном пехотном взводе отдали. Вместе гуляли – дурью мучились. Сколько вечеров жизнь на пару обсуживали! А вот нынче глядеть на него больно: поддался

на Акулькину провокацию. И в кого превратился? В тень загробную. Ходит худой, зеленый – ночей не спит, ест всухомятину... Каждый божий вечер да все выходные у забора стоит со своим инспекторским удостоверением – меня караулит. Куда я – туда и он. Пойду на речку жерлицы щучьи снимать, а Патрикей уж тут как тут: молчит, сзади идет. На бережку сядет и в затылок смотрит. Все норовит застукать на недозволенном. Ташу я, значит, намедни из омутка щучищу... Не выдержал Патрикей: скачет рядышком, по коленкам себя хлопает. «Круче шнурок держи! – орет. – Сорвется, Федька, – так ее растак!». А чуть выволок я на берег крокодилицу эту – опомнился: подходит важно, весы с крючком из кармана достает... «Ну-ка, – говорит, – щас на вес прикинем: по закону больше пяти кило за раз не положено!». А щука моя на восемь с полтиной потянула – такая, понимаешь, хорошая! «Все, – говорит Патрикей, – акт на тебя, Федор Федорыч, составлять буду!». «Нельзя ли, – говорю, – Патрикей Егорыч, без акта? Ты ж, хрен собачий, не рыбнадзор! Давай полюбовно: три кило тебе от щуки отрежу – хоть с хвоста, хоть с головы...». Подумал Патрикей, помялся: «Нет, не купишь, Федька, общественного инспектора взяткой. Нельзя без акта!» Совсем рехнулся мужик – пользы своей не понимает. Такое меня зло взяло: врзал бы ему как подобает... Да он же и обрадуется – вот, мол, довел-таки Федьку... Нет, мыслю, не доставлю ему такой радости! Взял я щуку и в речку кинул: шиш ему – акт!

Разве это жизнь? Я в лес по грибы – Патрикей, как репяг, на хвосте висит. Рядом стреляют – браконьерничают, а ему хоть бы хрен: меня пасет, на шаг отойти боится. Чьи от этого интересы страдают? Государственные.

А как настоящий охотничий сезон начнется, да ты, Ерепей, в гости нагрнешь, он ведь совсем житья не даст. Если, конечно, не сляжет от переутомления... А то и помереть может!

Нет уж, надо принимать меры...»

Чистосердечный рассказ Федора несколько дней не давал мне покоя. И я взял грех на душу: сел на работе за пишущую машинку и сочинил документ под названием «Выписка из перспективного плана Всесоюзного общества охраны природы». До сих пор удивляюсь, как могла мне прийти в голову такая авантюра. Однако факт остается фактом. В данной бумаге я, Еврипид Иванович Бурдын, самочинно указал, что в ближайшую пятилетку планируется внести в КРАСНУЮ КНИГУ СССР следующую живность: дрозда-рябинника, мышь полевку, сверчка запечного, а также кота-производителя ярко-рыжей среднерусской породы – Хому (владелец Ф.Ф. Гаков, село Опухлики). Внизу вместо печати я наклеил для убедительности марку «Красного креста», которую недавно вручила мне за 30 копеек наша ЖЭКовская общественница, обходившая квартиры.

С этим листком и с бутылкой полусладкого шампанского выехал я в Опухлики – мирить мужиков.

Патрикей с синими кругами под глазами поднялся навстречу, уважительно оглядел меня с ног до головы и усадил на табуретку. Особое впечатление произвел на него белый носовой платок, который я интуитивно держал в правой руке, как флаг парламентаря...

– Вот, Патрикей Егорович, – сказал я, – некоторые перемены в столице назрели. Через больших людей узнал и решил сразу тебя известить по-приятельски, а то – как бы неприятностей не вышло...

Патрикей встревоженно уставился на меня.

– Слышал, что такое КРАСНАЯ КНИГА?! – спросил я как можно торжественней. И протянул хозяину отпечатанную мной бумагу.

Прочитав ее, Патрикей схватил у меня с колена белый платок, вытер мгновенно взмокший лоб и, судорожно нацепив на нос очки, принялся вглядываться в наклеенную марку.

– Вот-вот! – подтвердил я, не давая ему прийти в себя. – Наслышаны где надо о здешних делах. Соображаешь, как все обернуться может?

Голова у Патрикея Болотникова работала быстро. Ничего больше объяснять ему не потребовалось.

– Акулина! – загрохотал он на весь дом и сунул документ под нос вбежавшей жене. – Все ты, все твои фокусы! Соображаешь, чем срыв пятилетнего плана пахнет! Читай. Спасибо товарищу Бурдыну – предупредил!

– Господи, – ахнула Акулина, вглядываясь в бумагу, – да откуда ж там про Федорова кота знают!

– Там все знают, – уверенно рассудил Патрикей и пожал мне руку. – Что ж делать-то теперь, Ерепей Иваныч, как быть? Федор-то, конечно, уже в курсе?..

Я честно заверил Болотникова, что еще не ходил к Федору и пообещал посодействовать переговорам. После чего смело направился к своему другу.

Вникнув в суть моей затеи, Федор пришел в восторг. Ему даже взбрела мысль повесить на шею Хоме табличку с надписью «КАНДИДАТ В КРАСНУЮ КНИГУ». Однако о том, чтобы пойти к Патрикею, он не желал и слышать:

– Отродясь никому задницу не лизал. А эдак-то получится, что я первый попятился.

Через два часа, устав от непрерывной беготни между двумя избами, я стоял на нейтральной полосе за огородами, держа наготове шампанское.

Мужики вышли из своих дверей секунда в секунду и, не глядя друг на друга, стали равномерно сходиться, образуя острый угол. Каждый нес граненый стаканчик. Торжественный момент близился.

Пробка шумно взлетела в вечернее августовское небо, шипучая пена наполнила подставленную посуду. Я произнес короткую речь:

– Ты, Патрикей Егорыч, – народ. И ты, Федор, – народ. Негоже ссориться на радость врагам. Кот между вами пробежал непростой, это ценить надо. Да такого кота озолотить мало, в ножки ему надо поклониться, что колбасой не побрезговал! В столице, если хотите знать, обычных породистых псов, которым и не светит в КРАСНУЮ КНИГУ попасть, чистым говяжьим азу каждый день кормят, во всем себе отказывая, – по два килограмма: это по пять шестьдесят выходит...

Услышав такие цифры, Федор недоверчиво покачал головой, а потрясенный Патрикей часто заморгал.

– Так вот, мужики, – мое красноречие начало иссякать, – недолго ждать осталось: скоро, может, и Патрикею Егорычу благодарность из центра придет за производство ярко-рыжей среднерусской породы – Муська-то здесь не последняя спица в колеснице! Так что давайте... будем здоровы! А кто старое помянет – тому глаз вон!

Мужики осушили стаканчики, поморщились по привычке и, вздохнув с облегчением, обнялись.

– Допьем бутылку... – предложил я.

– Это мы лучше для баб оставим, – неодобрительно цокнул языком Патрикей.

Вскоре все мы сидели за широким столом в избе Федора. Акулина и Дуся с чувством пели:

Из-ве-е-ла меня кру-у-чина,
Подко-о-лодная зме-е-я.
До-го-о-рай, гори-и, моя лучи-и-на...

– До-го-о-рю с тобой и я-а-а... – подтягивали мы с Федором.

Алешка скромно пил чай из блюдечка. А Патрикей кормил с рук принесенным из дому салом Хому, прилегшего у него в ногах. Кот не проявлял никаких признаков брезгливости либо зазнайства.

Долгожданный мир воцарился в Опухликах. Говорю об этом как очевидец. И пусть Гоголь классик, а все же, думается, для большей художественности сгустил он краски в отношении Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: не могут люди на Руси долго зло помнить.

Мужик Федор и политика

Чем похвалишься, тем и подавишься.

Чем старше, тем рассудительней становился мой друг. «Не бабское это дело – политика», – обидчиво одергивал он жену, когда пыталась она вмешаться в его запутанные отношения с администрацией совхоза.

Если за Федором в тот момент не числилось никаких невостробованных грешков, Дуся тактично отступала, зная, что зерно сомнения все равно заронено в голову мужика. И все чаще, поразмыслив, принимал он ее советы к сведению, ибо внутреннюю политику (то есть дела сугубо семейные) следовало увязывать с политикой внешней – той, что выходила за пределы избы.

Особенно охотно рассуждал Федор о высоких сферах. Там парил он, как весенний жаворонок в небе, упиваясь открывающимся простором и собственным красноречием.

– Гляди, Федька, обломают тебе крылышки! – частенько по-дружески предупреждал Патрикей Болотников соседа, зарвавшегося в рационализаторских идеях государственного и международного масштаба.

– Я за свои слова ответчик, – не желал опускаться на землю мужик. – Может, ты, Патрикей, против моего курса выступаешь?!

Нет, Патрикей в целом одобрял курс, однако считал необязательным излагать политические соображения слишком громко: и без того слухи о Федоре Гакове давно вышли за пределы района...

– Жизнь наша есть клубок противоречий, – четко формулировал Федор. И продолжал наставлять всех желающих слушать. – Главное в моем курсе что? Советь! Прочая экономика приложится... Правду в матку режь! Трудись, дабы народ тебя добрым словом помянул, когда очкуришься. Внутреннюю политику во внешнюю впрягай! Клубок по совести разматывай... Живи – кум королю!

Увы, пришлось Федору на собственном опыте убедиться, что в клубке можно запутаться, придерживаясь даже правильного курса. Не все обстоятельства можно предвидеть заранее. Как говорится, знать бы, где упадешь, соломки бы постелил...

Федор с Дусей уже поужинали и собирались ложиться, когда в окошко тихонько, по-партизански постучали: тук-тук... и еще – с перерывом: тук-тук-тук...

Федор прислонился к стеклу и, узнав заведующего клубом Михея Ступина и своего сменщика Ивана, крикнул:

– Чего в избу не заходите?

Михей приложил палец к губам, другой рукой поманил мужика Федора из дома.

– Дело тонкое, конспиративное, Федор Федорыч, – зашептал он, – тут с парадного хода не войдешь... Надумали мы кой с кем из наших в депутаты райсовета тебя двинуть. Как смотришь?

– А то опять какого-то Упыря С. С. из Области выбирать будем! – наморщился Иван. – Чего нам этот Упырь! В глаза его не видели. Как будто Федор Гаков в Опухликах не политик!

– Больно вы молоды, мужики, чтоб выдвигать... – засомневался польщенный Федор. – Уж начальство-то вам не простит!

– Да оно и не поймет, начальство-то, откуда ветер дует. – Принялся убеждать Михей. – Глазом директор Осьмудеев не моргнет, как тебя изберем.

И Федора посвятили в хитроумный план, согласно которому девяносто процентов предварительно обработанных избирателей из Опухликов и Жирновки в день выборов опустят в ящик не официально выданные бланки с именем неизвестного С.С. Упыря, а собственные листки, куда каждый от руки впишет Федора Федоровича Гакова. Тут уж, как ни верти, а победа будет обеспечена и, что самое главное, – малой кровью.

– Имей в виду, Федор Федорыч, народ на тебя рассчитывает, – важно предупредили ночные гости, ручкаясь на прощанье с моим другом.

– Первым делом строительства дороги добьюсь как депутат. – Пообещал на следующий день мужик Патрикею Болотникову. – После водопровод в селе органирую, на снабжение заману, пенсион Акимовне выхлопочу... А уж после – меня вообще не остановишь!

Патрикей опасно покачал головой, но, потолковав с Михеем Ступиным, вдруг раззадорился и сам включился в предвыборную кампанию Федора.

Для избежания лишнего трепса агитаторы только по ночам обходили избы наиболее сознательных людей и успешно вербовали все новых сторонников в обоих селах. Сеть ширилась. Несколько недель недолгобливающих Федора недостаточно благонадежных сельчан ни во что не посвящали. Находились и сомневающиеся, и просто робкие, которые опасались, что все это выйдет боком: потом, дескать, каждого по почерку узнают и приусадебные участки отберут... С таких брали клятву молчания и обещали: придет время – Федор выступит и скажет нечто такое, что окончательно рассеет всякий туман.

Мой друг ходил по селу деловито, чувствуя на себе внимательные взгляды со всех сторон, и без прибауток отвечал на многозначительные приветствия и поклоны.

В пятницу, за день до выборов, Михей с Иваном и Патрикеем Болотниковым сопровождали Федора к магазину, где ему надлежало произнести речь перед десятком колеблющихся и завоевать голоса, недостающие для полной гарантии.

Среди прочих у магазина отирался и хитрец Трифон Гузня. Пришел он будто бы купить леденцов и теперь покурился с мужиками, но было совершенно ясно, что не сладости интересовали Гузню...

– Вот, граждане, наш Фёдор Фёдоровыч... – сказал Иван и замялся.

Фёдор поздоровался с каждым за руку, закурил... искал глазами какое-нибудь возвышение, откуда удобнее было бы говорить, и – не нашел.

Мужики молчали, смущенно покашливали. Обстановка явно не располагала к произнесению речи, однако следовало начинать...

– Все мы тут люди свои, – удачно нашелся мой друг. – Нету чужих то есть.

Слушатели согласно закивали, – начало имело успех. Федор сделал паузу и уловил ораторским чутьем, что сейчас следует сказать нечто такое, что сразу подняло бы его политический авторитет, а уж потом – излагать курс и ковать железо, пока оно будет горячо...

– Значит... – неожиданно для самого себя выдохнул мужик. – Надо помочь развивающимся странам!

Эти слова, которые вырвались у него изо рта, на мгновение ошеломили Фёдора своей смелостью.

Патрикей Болотников выпучил глаза чуть раньше остальных:

– Это как же?

– А так, – пошел в наступление Федор, поскольку назад ходу не было, – деньгами! Подарками ценными! В Москву следует послать – в Фонд помощи. Что, мы здесь лыком шиты да пенькой подвязаны?!

Мужики переглянулись. «Настоящий депутат! – говорили их взгляды. – Круто берет!»

Моментально под ноги Фёдору сунули ящик из-под вина, появившийся неизвестно откуда. Но Трифон Гузня, осознав, что речь идет о деньгах, нарушил торжественность минуты ехидным замечанием:

– Раз он предлагает, пускай первый и пошлёт – пример покажет, а мы подумаем...

Мой друг посмотрел на Трифона с высоты ящика:

– Само собою! Щас прямо возьму и пошлю!

Фёдор взглянул на свои замусоленные часы «Слава», сунул руку в карман ватника, зашарил в штанах и, не обнаружив денег, вспомнил, что всю получку до копейки отдал жене. «Дуська для развивающихся стран не даст... – подумал он тоскливо. – Срам-то какой!»

– Слушай, Трифон, – неуверенно произнес мужик, – может, одолжишь мне рубликов двадцать – на неделю?

– Я куда в своем уме, – ухмыльнулся Гузня.

– Ты что же, мне, мне... не веришь?! – рассвирепел Федор. – Ну, мужики, кто Фёдору Гакову в долг двадцатки не пожалеет?

Патрикей вынул три рубля, Иван – рубль, Михей Ступин выгреб у себя пригоршню мелочи.

– Вовсе Федька и не хочет никуда деньги посылать, – продолжал подливать масла в огонь Трифон. – Это он так, цену себе набивает... Ишь ты, двадцать рублей!

Это, образно говоря, переполнило чашу терпения моего друга. Лоб его покраснел от вдохновения.

– Да если знать хотите, я для бедных народов ничего не пожалею, штаны последние с себя сниму! И-эх, узна-а-ете, трепач Гаков или нет! Все ждите здесь...

Фёдор смотался домой за выходными бордовыми штанами Дусиного пошива, надёванными всего раз пятнадцать. Встряхнул их перед магазином, повертел на вытянутых руках, дабы все могли убедиться: заплат нет. На глазах изумлённых избирателей он упаковал штаны в свежую газету, перетянул крест-накрест бечёвкой и подчеркнуто легкой походкой отправился к почтальонше – отсылать. Вся компания шла за мужиком до самой избы Меланьи. И когда Федор на крыльце велел ей с завтрашней оказией отправить «ценный подарок» по адресу «Москва, Фонд помощи развивающимся странам» – да еще заказной бандеролью, общий восторг был неопишем. Друга моего пытались повести угощать, но он не поддался искушению – «не положено!».

Голоса были завоёваны. Гузня растерялся, и сомнение в своей правоте закралось в его душу.

Но субботним утром – спросонья – мужику Фёдору пришлось не один раз протереть глаза: бордовые штаны висели на стуле возле кровати.

Поначалу в мозгу моего друга мелькнула мысль, будто вчерашнее – только красивый сон... Ополоснув лицо колодезной водой из ведра, он бесповоротно пришел в себя и строго поинтересовался у жены:

– Мать, ты где мои штаны взяла?

– Из Африки их назад прислали, – фыркнула Дуся. – Не подошли они там никому – в развивающихся странах.

Оказалось, Меланья еще до зари сообщила ей подробности дела и отдала бандероль.

– Развода потребу! – заорал Федор. – Карьеру политическую погубила ты бабским умом своим! А Меланью судить буду – за разглашение почтовой тайны.

Дуся так посмотрела на мужа, что пыл его несколько охладился. «Может, и правда, никому бы они там не пришлись впору...» – утешил он себя за кружкой чая.

Встретив Меланью по пути в ремонтную мастерскую, Фёдор показал ей кулак. Бабёнка шарахнулась в сторону, но полсела уже всё равно знало, что бандероль не ушла по назначению.

– С получки деньгами отправлю, – оправдывался мужик направо и налево.

– Чего уж там, Фёдор, бывает... – сочувственно вздыхали односельчане. – Поди управься с бабами! Нешто мы не понимаем! Крепись до завтра... Народ поддержит!

– Крепко по авторитету Фёдора жена ударила. – Делился мыслями с Михеем Ступиным не без труда сагитированный тем же Михеем бухгалтер Назар Козодоев. – А все же умен, стервец! Этого у него не отнять... Такой, можно сказать, провал в свою пользу поворачивает! Представь, Михей, да посади он хоть один фингал Евдокии, завтра ни одна баба за Фёдора бы голосовать не стала. Большую силу нынче набрали бабёнки, распустили мы их! Да уж, соображает Фёдор, нечего возразить... Надо, наверно, его поддержать в трудный час – это потом аукнется...

– И жирновские за Гакова как один, Назар Кузьмич!

Знал ли о готовящейся акции Осьмудеев? Дошел ли слух до его заместителя Терентия Фомина и парторга Виктора Шумовкина, ответственных за проведение выборов по объединенному Опухликовско-Жирновскому избирательному участку? Тут есть над чем поломать голову. Может, знали, а может, и нет. Купаешься иной раз в пруду, плаваешь поверху в прогретой солнцем водичке, – вот и не ведаешь до поры о холодных ключах в глубине и опасных ямах... Не потому ли так удивились Фомин и Шумовкин, когда вдруг завклубом (а участок помещался именно в клубе) потребовал перенести ящик для бюллетеней от края сцены за занавес: дескать, соблюсти проформу...

– Это ещё что за новости! – взвился Фомин. – Сроду не припомню такого. Коммунизма без доверия не построим!

Но присутствовавшие инструктор райкома и представитель райсовета не возражали: не всё ли равно...

Вскоре потянулся народ. Мужики с празднично принаряженными женами, каменная лицами, поднимались по левой лесенке на клубную сцену – к столу, покрытому красным плюшем, отмечались, получали бюллетени... семейно исчезали за занавесом и, выходя, чинно спускались с другого края сцены...

Осьмудеев с инструктором райкома сидели на стульях в первом ряду зальчика и, переговариваясь вполголоса, наблюдали за действием...

– Лозунг у нас подгулял, Пал Игнатьич, – заметил Осьмудеев соседу и самокритично сощурился на широкую полосу ватмана под потолком, где кривоватыми буквами было написано «ХИМИЗАЦИЯ сельского хозяйства – ПУИЬ ПРОГРЕССА!». – Художник торопился...

– Скажи, пускай поправит. А вообще ничего, незаметно... – благодушно утешил инструктор.

За дверями клуба проголосовавшие обменивались красноречивыми взглядами с Козодоевым, который стоял в сторонке и отщёлкивал голоса, поданные за Федора, на бухгалтерских счетах. Акция проходила без лишних разговоров и суеты, как было задумано.

Евдокия явилась голосовать в одиночестве. Она задержалась у доски объявлений, внимательно прочитала биографию официального кандидата Сергея Сергеевича Упыря и вошла в клуб.

– Фёдор где? – спросил ее Шумовкин. «На печке лежит – из политических соображений», – хотела ответить Дуся, но только пожала плечами:

– Пиши: болен...

За занавесом она, вздохнув, опустила в ящик Упыря. Здравый смысл не позволил ей поступить иначе.

К обеду всё было кончено. Народ проголосовал на редкость активно. И районные представители с чувством хорошо выполненного долга уже погрузили опечатанный ящик в машину, чтоб везти докладываться, когда к избирательному участку приковыляла Акимовна.

– А мы уж думали, ты померла, старая, – фыркнул Терентий Фомин.

– Низя-я было до нонче помереть, мила-ай, – призналась Акимовна. – Гошподь надоумил жа правду поштоять перед шмертью-то! Хде тута жа Хведора бумажки брошают?

– Совсем из ума выжила! – попрекнул ее Терентий. – Иди домой, старая...

Но бабка заупрячилась:

– Голошовать хочу!

И втолковать ей, что опоздала, оказалось не по силам даже красноречивому Шумовкину. Акимовна вынула из рукава душегрейки клочок бересты, на котором печным угольком было нацарапано «Фьодор», и пыталась всучить его работнику райсовета, пятающемуся от нее к дверце «уазика»:

– Шлава боху, не жабыла храмоту, Хвёдора напишала в депутаты...

Выход из положения нашёл инструктор райкома Павел Игнатьевич.

– Учтём твой голос, бабушка, – уважительно сказал он Акимовне и, приняв от нее бересту, спрятал в карман.

– Гошподь тебя благошловит, голубшик! – облегчённо вздохнула старуха и захрамала к своей избушке.

Павел Игнатьевич покрутил ей вслед пальцем у виска. «К народу подход нужен!» – наставительно произнес он, пожал руку Осьмудееву и сел в «уазик»...

– Вопрос решён! – потирал вечером руки Михей Ступин в доме моего друга. – девяносто два процента голосов насчитал Назар... Дело-то какое мы провернули, мужики!

– Теперь надо в Москву ехать – костюм Федору покупать... и галстук... – смущённо советовал Дусе молчаливо хлопотавшей у печки Патрикей Болотников.

– Не в галстук счастье! – не унимался завклубом. Он ещё плохо соображал от радости. – Фёдор Фёдорыч нас в любом виде не подведет!

Но когда на следующий день в Опухликах появилась районная многотиражка, где в списке единогласно избранных народных депутатов значился С.С. Упырь, у Михея временно отнялся язык.

Сменщик Иван прибежал к Фёдору, размазывая по лицу пьяные слезы.

– Когда ж просчитать да напечатать за одну ночь успели? Где правда?! – бесвязно кричал он. – Арифметики там, Фёдор Фёдорыч, не знают! Чему их в школе учили?! А может, и не считали вовсе, а?!

– Ты-то сам за кого голосовал, Иуда? – тихо спросил Фёдор и вышвырнул сменщика за дверь. – Такая теперь будет моя политика! – погрозил он вслед ни в чём не повинному человеку.

Угроза эта повисла в воздухе, затерялась между домами.

– Говорила я тебе, не суйся! – спокойно сказала Дуся.

– Молчи, мать, не бабское это дело, – проворчал мой друг и погладил жену по мудрой голове.

Мужик Федор и пес Персик

И собака помнит, кто ее кормит.

Когда прежний пёс моего друга – Кузька – сдох, украв со стола только что открытую банку мясоовощных консервов, случайно завезённых в опухликовский магазин (то есть, по словам мужика, пожертвовал жизнью для спасения хозяев),

Фёдор был безутешен. Всю округу всполошил он похоронами своей дворняги – на пригорке у калитки сельского кладбища. Сосновый крест поставил, утверждая, что такой пёс – тоже душа христианская... Прибил табличку с лаконичной надписью «КУЗЬКЕ ЗА ВЕРНОСТЬ ОТ БЛАГОДАРНЫХ ОПУХЛИКОВ», намереваясь в дальнейшем соорудить скромный бетонный памятник... И – остался без собаки.

Больше года пребывал мой друг в этом непривычном для себя положении. Особенно остро почувствовал он собственную ущербность, когда Патрикей Болотников приобрёл у Пеклеванного – перед тем, как бывший директор покинул село, – гончего кобеля Догоняя. Большую солидность придал красавец гончак соседскому двору, а в первый же день охоты по чернотропу взял из-под него Патрикей двух беляков... Было чему позавидовать. Теперь Фёдор не мог удовлетвориться первой подвернувшейся собачонкой: требовалось не только догнать, но и по возможности обойти Болотникова.

Казалось бы, чего проще... Через общество собаководства любого породистого щенка раздобыл бы я для друга – хоть афганскую борзую! Так нет, решил мужик собственным умом обойтись, поскольку всегда поступал он как заблагорассудится, – нередко вразрез со здравым смыслом.

И стоило судьбе наконец-то занести Фёдора в Область за запчастями для трактора, добрался он тут же до базара и купил у заезжего южного человека щеночка кавказской овчарки.

Дело обстояло так. Южный человек бойко торговал персиками, диковинными для мужика фруктами... С ним находилась – очевидно, для охраны товара – громадная, заросшая густой, бурой с подпалинами шерстью собака, которая сразу поразила воображение Фёдора. Рядом в корзине подрёмывали симпатичные пушистые месячные щенки – всех цветов радуги.

Глаза моего друга загорелись.

– Щеночков не отдаешь? – корыстно поинтересовался он. – Зачем тебе столько? Можно бы и отдать в хорошие руки...

– Пра-а-даю! – наставительно ответил южный человек. И, прищурив глаза на моего друга, просветил его по секрету, что порода чистая – без обмана... Мать – вот она – настоящая кавказская овчарка, сторож и волкодав! – Выбирай любого, да-а-рагой, не па-а-жалеешь!

Услышав слово «волкодав», мужик вспотел от волнения.

Состоялся торг. Прикинув свои финансовые возможности, Фёдор предложил три рубля. Названная сумма сразу подняла престиж Федора в глазах южного человека, он стал опасаться, что покупатель не так прост... Но за меньше червонца не уступал все равно.

Несколько раз мужик, махнув рукой, отходил от корзины со щенками... И, не выдержав искушения, возвращался. Вопрос решили четыре больших сочных персика, которые за тот же червонец мой друг получил в придачу к щенку: надо же было привезти что-то в подарок Дусе...

В корзине лежало не меньше дюжины кутят на любой вкус. Федор был так увлечён сделкой, что ему и в голову не пришло поразмыслить, не слишком ли велик приплод, – даже для такой могучей собаки, как кавказская овчарка. Со всей серьёзностью принялся он осматривать сонных щенков и остановил свой выбор на самом упитанном – насыщенного розового окраса. Сунул ему палец в пасть, заглянул и, убедившись, что нёбо черное (первый признак необходимой для серьёзного пса злобы), решительно сунул щенка за пазуху.

А в кабине грузовика – по дороге в Опухлики – надкусил Фёдор один персик на всякий случай... Ахнул: и здесь без обмана! И сомнения по поводу клички будущего волкодава больше не тревожили мужика. Щенок бесповоротно стал Перси-ком.

В селе первым делом зашёл Федор к Болотникову.

– Ответь-ка мне, Патрикей Егорыч, – торжественно спросил он, – а возьмёт ли твой Догоняй, скажем, волчину матерого?!

Патрикей подумал и честно покачал головой:

– Вряд ли, Федя. Такие псы уже перевелись, наверно.

– Не перевелись! – рявкнул Федор, извлекая из-за пазухи Персика. – И не переведутся отныне! – Держа щенка за шкуру, он высоко поднял его над собой.

– Кавказская овчарка! Усекаешь?!

– Чудеса! – развел руками Патрикей. – Ты ему молочка, Федь, молочка козьего побольше...

С кормлением своего питомца у моего друга не было никаких проблем. Щенок оказался прожорливым на удивление: мог выхлебать целый тазик молока с овсянкой – только дай! Вскоре и по ночам он перестал скулить, так что пропала необходимость брать Персика к себе в постель под ватное одеяло.

Фёдор не мог нарадоваться: сколотил для пёсика во дворе будку на вырост – такую, что могла бы вместить и телёнка... Успешно учил Персика командам «ату» и «отрыщ»; нашёл где-то старую изорванную рукавицу на волчьем меху, вывернул наизнанку и ежедневно дразнил его, внушая ненависть к звериному запаху.

Опасно отнимать у тигрицы тигрёнка, а у женщины – её иллюзии. Примерно так гласит восточная поговорка. Но ведь Фёдор – мужик... Из этого и исходил я, когда, взглянув на Персика, назвал вещи своими именами:

– Щенок у тебя, Фёдор, пожалуй, неплохой... Но никакая это не кавказская овчарка – голову даю на отсечение.

– А что же это, по-твоему? – ехидно осведомился мой друг.

– Помесь рябчика с кобылой.

– Да ведь я его от живой матери взял, десять рублей наличными отдал! – распалился мужик. – Человек прямо с Кавказа привёз... Ни хрена ты, Ерепей, в собаках не смыслишь.

– Не знаю, что за мать ты видел, – может, и вправду овчарку... – принялся я резонировать Федора. – Но щенка тебе точно дворового продали. Сам сообрази: кавказской овчарки щенок – две сотни стоит!

Фёдор с жалостью посмотрел на меня и постучал пальцем себе по лбу.

Тогда я невинно спросил, есть ли у щенка «паспорт», чем привел своего друга в настоящее неистовство.

– Ты никак издеваешься, Ерепей?! – кричал он. – Паспорта захотел! Да мне самому когда паспорт выдали?! И ничего, жил, как все, не жаловался! И не сомневался никто, что есть я Фёдор Фёдорович Гаков, натуральный русский мужик! А Персика хаять не позволю! Выращу пса – поглядим, что запоёшь, когда он у меня в будку не влезет...

Увы, планам Фёдора в отношении будки не суждено было осуществиться.

Прививка против чумки, которую сделал наездом районный ветеринар, неожиданно вызвала обратный эффект: Персик заболел – осунулся, шерсть потеряла блеск, стали дрожать лапы... Федор свозил его в областную лечебницу, последовали ещё два укола – и у щенка начала дергаться голова.

Мой друг ругал последними словами всю систему ветеринарной медицины. Прислал мне телеграмму с просьбой найти пару-тройку профессоров познаменитей для научного обследования щенка, но я не смог помочь в этом Фёдору.

Выхаживал он Персика, как младенца: поил из чайной ложки отваром дубовой коры и подорожника, носил каждый вечер на «целебные грязи» к лесному болотцу – по часу держал погруженным по шею в тепловатую жижу, чтоб вытянуло хворь... И песик пошёл на поправку.

Мужик совершил чудо – это в Опухликах и в Жирновке признали все.

Через полгода из Персика образовался вполне гладкий молодой кобелёк без признаков определённой породы, ростом до Фёдорова колена; и только лёгкое подергивание головы напоминало о перенесённой болезни.

Надо отдать Персику должное, было у него много собачьих качеств, вызывающих симпатию: умная, даже слишком умная, морда, весёлый и – несмотря на чёрное нёбо – добродушный нрав, безусловная любовь к хозяину... Пусть не имел он никаких перспектив заполнить собою будку, пусть бегал вразвалку и на вид был дворняга дворнягой – зато бесперебойно взлаивал на посторонних, исполнял команды мужика и умел ходить на задних лапах, одновременно вертя хвостом...

– Прививка проклятая виновата, что ростом Персик не вышел, – удручался Фёдор. – Ну да ладно – молодой ещё – порода свое возьмет. Он у меня станет волкодавом, как положено.

Но Персик оставался Персиком.

Сделал мой друг и несколько попыток натаскать пса для охоты. Учитывая «временную задержку» в развитии, а также с целью выработки у него универсальных охотничьих способностей, начал Фёдор с водоплавающей дичи.

Натаска происходила на моих глазах, в августе. Долго бродили мы с Фёдором по болотам, пытаясь поднять утку или чирка. Персик равнодушно волочился следом. Внезапно из осоки метрах в пятидесяти от нас шумно взлетел великолепный гусь-гуменник. Встретить гусей на этом болоте я не рассчитывал и растерялся. А Федор всё-таки саданул наудачу мелкой дробью из своей берданки. Шансов, конечно, у него не было. И я огорченно смотрел, как птица, удаляясь, набирала высоту.

– Вот зараза! – сплюнул Федор.

И в этот момент гусь подвернул крыло и рухнул в камыш за двумя вёслами. Наверно, какая-то дробинка попала в шею...

– Ату его! – диким голосом закричал мужик. Персик рванулся сквозь болото и пропал в камыше.

– «Ату» – не та команда, Федя, – сделал я замечание.

– Сойдёт, – отреагировал Федор. – Пускай привыкает моя кавказская овчарка волков трепать. А уж гуся притащить, Ерепей, для него небось пара пустяков.

– Думаю, он и не найдет птицу, – высказал я сомнение.

Но ошибся.

Когда через полчаса, устав от бесплодного ожидания, мы сами по колено в воде двинулись к ветлам, Персик выполз нам навстречу с раздутым брюхом, морда его была в гусином пуху... Похожий на футбольный мяч, кобелёк улегся на кочку у ног хозяина, тяжело дыша. Федор сплюнул еще раз, азартно поддел взвизгнувшего Персика сапогом – для строгой науки... и, разбрызгивая воду, повернул к дому.

Дальнейшая натаска проходила в том же духе и с тем же успехом. Фёдор не слушал моих советов оставить собаку в покое, не желал отступить.

Я привёз ему цветные снимки кавказских овчарок, чтоб хоть немного привести мужика в чувство, а он – развесил их на стенах по всей избе.

– Мать – точь-в-точь такая была! – убеждал он сам себя. – И Персик... уже похож...

Если уж я привёл одну восточную мудрость в этом рассказе, не могу удержаться от второй, которая придется очень к месту: «Дайте собаке плохую кличку – и можете смело её повесить.»... Вдумайтесь в смысл. Что же произойдет, если дать хорошую кличку? Вы понимаете, я говорю аллегорически. Так вот – пример Персика поучителен: похвала и надежда возвышают...

Само собой, охотиться с дворняжкой моего друга было мучением. Однако по мере того, как Персик входил в возраст, в нём начала проявляться такая незаурядная сообразительность, что я диву давался. Кобелёк быстро усвоил, чего, собст-

венно говоря, хочет от него хозяин, и в соответствии с этим вырабатывал чёткую линию поведения.

Проявлять жизнерадостность, выпрашивать лакомство или вертеть хвостом на людях? – никогда! Такое он мог себе позволить только наедине с Фёдором да еще, пожалуй, в моем присутствии – нутром чуя, что меня все равно не обманешь. Ловко улавливал, проходимец, настроение мужика, его желание повеселиться. Но стоило только Фёдору вывести Персика со двора, как тот напускал на себя угрюмый вид: старался ступать величаво, подняв голову и выпятив грудь, как выпячивал её иногда мужик... Не вертелся, по сторонам не смотрел, не косился на прочих дворовых собачонок. Устремив вдаль отрешённый, полный достоинства взгляд, Персик вышагивал рядом с хозяином... Чуть пройдя вперед, замирал на месте, когда Фёдор останавливался поздороваться с кем-нибудь из односельчан, и брезгливо морщил нос, будто недоумевая, и чего это ради хозяин тратит время на столь незначительных личностей... Бывали минуты – и кобель настолько входил в роль пса-аристократа, что начинал забываться и даже от Фёдора принародно морду воротил; так что моему другу приходилось отводить Персика в сторонку, где не было свидетелей, и с помощью сапога напоминать ему о субординации.

Но зато когда вечером мужик и Персик неторопливо совершали моцион до магазина и обратно, народ уважительно перешептывался: «Фёдор идет... с кавказской овчаркой!» И не было в этом шёпоте насмешки, до такой степени моему другу удалось убедить окружающих в чистопородности пса.

– Больших денег собака стоит... – неопределённо говорил он повсюду и вздыхал.

И никому не приходило в голову усомниться. Нет, небось не случайно так носится Фёдор со своим Персиком; небось недаром так надменно поглядывает пёс.

По собственному опыту знаю, как много значит в жизни представительство и умение подать себя. Очевидно, это понимал и Персик.

Но откровенное стремление приспособиться к надеждам хозяина во многом пошло псу на пользу. От напускной гордыни он словно стал крупнее, словно раздался в груди... Лай Персика приобрёл металлические нотки: вместо «гав, гав» он постепенно путем напряжённой тренировки научился глуховато рокотать «бау, ба-у»... Конечно, и Фёдор приложил к этому руку, поощряя «бау, ба-у» хлебушком с постным маслом и всякий раз надирая Персику уши за возврат к визгливому гавканью.

Допустим, я преувеличиваю ум кобеля, и всё дело в элементарных инстинктах. Но как же объяснить тогда следующий случай?..

В десять часов вечера мы с Фёдором блаженно сидели у самовара. Вдруг со двора донёсся злобный лай Персика. Я выглянул в окно – выяснить, в чем дело. Пёс, как по нотам, орал «бау, ба-у, бау, ба-у!», актёрствуя возле своей громадной будки... Луна светила ярко, и могу поклясться, что поблизости не было ничего подозрительного. Впрочем, не могло и быть... Однако Фёдор схватил топор и выбежал за дверь. Я наблюдал из окна, как Персик, завидев хозяина, весь подобрался, ощетинился и, отлично имитируя служебное рвение, метнулся к забору – натянул верёвку, угрожающе зарычал в пустоту... И не переставал лаять, пока Фёдор, пройдясь туда-сюда по безлюдной улице, не цыкнул на него и не погладил одобрительно.

– Слыхал, какой сторож у меня! – заявил мужик, возвратившись к столу. – Уже который раз воров и разбойников от избы отгоняет! Шляются тут всякие по ночам... целыми шайками. Ну да разве к такому псу подступишься! Поро-о-да!.. Все завидуют. Может, полсела моему Персику имуществом, а то и жизнью обязано!

Я почесал нос. А когда через полчаса вышел подышать воздухом, Персик выглянул из своей будки и, как показалось, подмигнул мне лукаво.

Но главные события были еще впереди.

В конце ноября – по пороше – Фёдор обнаружил волчьи следы за селом и набил патроны картечью.

«ПРЕЕЗЖАЙ МОМЕНТАЛЬНО. – Гласила его телеграмма. – ВОЛКОДАВ РВЕТСЯ В БОЙ.».

Уговорить мужика оставить Персика в будке не удалось мне никакими силами. И я заранее примирился с мыслью, что охота наша превратится в очередную прогулку.

Но перейдя речку Окаянку по берёзовой кладки над тонким льдом и в самом деле увидев ровную цепочку крупных отпечатков волчьих лап, которая терялась в обширном лесном острове, я взволновался:

– Пожалей собаку, Федя... Ум за разум у тебя зашёл!

Однако под пристальным мужицким взглядом спущенный с поводка Персик обречённо затрусил по следу. И вскоре из леса послышалось одинокое жалобное «гав»... А затем, словно опомнившись, кобель – хотя и неуверенно – пролаял в стороне: «Бау, ба-у, ба-у!».

Молчать бы ему лучше – подумал я.

– Что я тебе говорил! – прошипел Федор. – Волчина у нас в кармане! Гонит его Персик, гонит, умница... – И, поскрипывая валенками по рыхлому снежку, побежал вдоль леса – наперехват – занимать лаз.

«Бау, ба-у!» – доносилось из глубины острова. Я повесил ружьё на плечо, закурил и прогулочным шагом пошёл на собачий голос.

Персик уже лаял совсем близко, и я стал двигаться осторожнее: хотелось незаметно понаблюдать за собакой. Предполагать, что волк всё ещё находится в этом лесу, я, разумеется, не мог... Тем более, что и след зверя ушёл совсем в другую сторону.

Прячась за деревьями, наконец я увидел Персика. Забившись под ёлку и задрвав голову кверху, как глухарь на току, пёс лаял в небо... Вот он перебежал шагов на двадцать, присел под куст и снова нахально пролаял «бау, ба-у!»... До него можно было добросить рукавицей.

Именно это я и собирался сделать, когда между елями бесшумно показался волк... Не все охотники поверят мне. Но готов показать шапку, которую ношу до сих пор, – из шкуры этого волка. А у Фёдора вышли три пары меховых стелек для резиновых сапог...

Поджав хвост, ничего не видя перед собой, со щенячьим визгом Персик бросился от волка прямо к моей засаде. Я стоял с подветренной стороны, скрытый густыми еловыми лапами. Только это объясняет, почему матерый зверь не учуял меня, когда вышел на лай, чтоб расправиться с «артистом» по своему вкусу. «Бау, ба-у» не обмануло его, и Персик мог стать лёгкой добычей, если б не успел я сорвать с плеча двустволку и передвинуть пальцем предохранитель...

На выстрел прибежал Фёдор. От возбуждения сдернув с головы ушанку, он заскакал возле вытянувшегося на снегу волка.

Персик, который всё ещё жался к ногам, робко взглянул на меня. И прочтя в моих глазах попустительство, осторожно вцепился зубами в ногу мёртвого зверя.

Возвращение в село стало подлинным триумфом Фёдора. Волка мы несли на плечах – привязанным за ноги к толстой березовой жерди. Бабы, сбегаясь, ахали и держались на почтительном расстоянии от преисполненного важности Персика. Мужики покашливали и рассуждали, что «оно, конечно: волков развелось – прорва!»...

Вечером Дуся торжественно угощала блинами Патрикеев Болотникова, Трифона Гузю, Михея Ступина и заглянувших на огонёк самого директора Осьмудеева с Терентием Фоминым. Но первый блин (не потому, что он вышел комом, а в награду) получил допущенный в избу Персик. Чувствуя себя центром внимания, «волко-

дав» сидел у печи, картинно подвернув хвост. Раза два ради шутки я тайком от гостей грозил ему пальцем, – и горделивое выражение моментально слетало с его хитроющей морды: кобелёк, как заправский симулянт, подёргивал головой, напоминая мне о своей давней болезни, и заискивающе облизывал нос... Персик понял ещё в лесу, что я не собираюсь его выдавать, и всё же справедливо полагал излишним почаще проявлять признательность.

Рассказать, как сыграл он роль подсадной утки? Нет, было бы неблагородно испортить настроение всей компании и подвести Фёдора.

А мужик, распаяясь, размахивал руками перед восхищёнными слушателями:

– Гонит волчину мой Персик прямо на Ерепея... Ерепей – бац из одного ствола, осечка! Бац – из второго, промах! А зверюга на него прёт. Я, хоть и далеко стоял, вижу: дело плохо, надо спасти друга. Приложился метров за сто – как жажну! – ранил... Тут Персик подоспел: прыг на волка – и задавил как котёнка!

Что и говорить, в характерах мужика Фёдора и Персика было что-то общее. Хотя сравнения, конечно, неуместны.

Мужик Федор и метель

В темноте и гнилушка светит.

Вероятно, следовало бы зайти издалека: найти побольше добрых слов по поводу нынешней обыденности радио и телевидения в Опухликах... Рассказать подробнее, как вслед за петушиным криком ещё затемно в избу врывались позывные радиостанции «Маяк», вдохновляя моего друга на трудовые будни; а по вечерам, прихлёбывая горячие щи из одной миски с Дусей, Фёдор не отрывал взгляда от светлого экрана новенького «Рекорда», установленного на безопасном расстоянии от пылающей печки...

Но мне и без того предстоит несколько отвлечься – для ясности и для собственного удовольствия. Итак...

– Врёшь, врешь, мать твою гробовую!!! – донёсся из пятистенка возмущенный рёв мужика Фёдора.

В потёмках мне почудилось, что крыша затряслась. Бросив недомытые сапоги, я кинулся со двора в избу.

Фёдор, красный от натуги, стоял у телевизора, который странно потрескивал, а по экрану прыгали чёрные волны.

– Экстремисту главному из Латинской Америки тут во «Времени» слово давали. Совсем они распоясались, экстремисты эти! – выпалил Федор и удивился. – Хорошо, вроде, показывал прибор... Чего это он?

– А ты его не ударил чем-нибудь?

– Не-е-т, только выразился... – мужик принялся вертеть настройку. Но отладить изображение не удавалось.

Проанализировав ситуацию, я, увы, не нашел ничего умнее, чем забить голову друга рассказами о телепатии, перемещении предметов силой воли... и прочей научно не объяснённой чертовщиной, которую критиковали время от времени в газетных статьях и заметках.

– Может, голосом своим, Федя, ты колебания там, в телевизоре, какие-то вызвал? – неосмотрительно брякнул я. И тем самым способствовал росту самомнения мужика.

Нагоняй, полученный от Дуси, только распалил его воображение.

Фёдор покаянно колотил себя кулаком по затылку в общественных местах (то есть перед конторой, магазином и клубом), костеря проклятые нервы и собственные удивительные способности.

– Вот, мужики, «Рекорд» испортил! – жаловался он лукаво. – Кто ж знать мог, что от меня такое электричество идёт... А то бывало трактор не заводится, прикрикнешь на него – и пошёл, голубчик, как миленький! Я-то думаю, отчего? А оно вон – отчего... Спасибо, Ерепей растолковал. Лечиться мне теперь, что ли?

– Да-а, дела-а... – почтительно соглашался народ.

Наубивавшись досыта, Федор вооружился отвёрткой, плоскогубцами, молотком и полез во внутренности телевизора. Ни о какой районной мастерской не хотел и слушать: «Не боги горшки обжигают, Ерепей! Ты мне давай блоху поймай. Захочу – на все лапки подкую, как полагается!»

Неловко было смотреть, как подстукивал он молотком клеммы «Рекорда», шпыняя его последними словами – с целью волевого воздействия. И поскольку это не давало результатов, вдруг менял тон... Начинал, как девку, оглаживать телевизор со всех сторон, уговаривая: «Ну, моя ягодка, ну, букашечка, исправляйся, похорошему прошу, душевно умоляю!»

Я не выдержал, взял корзину и ушел по грибы. А придя из леса, застал Фёдора попивающим чаек возле безупречно работающего «Рекорда».

– Прав ты был, Ерепей, – важно сообщил он. – Инструмент только чуток понадобился. Всё дело в добром слове: после ухода твоего сосредоточил я волю, сказал слово – и уговорил.

– Антенну он подпаял! – крикнула Дуся из-за занавески. Распаялась антенна-то...

– Не суйся, Дуська, в дела мужицкие. Нечего болтать, о чём без понятия! – бросил ей Фёдор и насупился.

Не знаю, только ли в антенне были неполадки, или Федор нарушил что-то своим молотком, но после того случая «Рекорд» начал своенравничать непредсказуемо. Несколько дней отличной работы, и вдруг – ни с того ни с сего – на целый вечер забарахлит изображение. Никакие уговоры не помогали. Единственным спасением – да и то ненадолго – было стукнуть ладонью по деревянной обшивке с левого боку.

Но Фёдор не отчаивался. Когда помехи становились невыносимыми, он лез на печь или просто закрывал глаза и в мыслях заново переживал то, что успел увидеть; сам придумывал различные продолжения недосмотренному – так было даже интереснее.

Впрочем, разве изображение – главное? Дуся, например, все равно редко досиживала до конца вечернего фильма, который давали с половины десятого: глаза у неё слипались, и, перебив посуду, она уходила спать... Зато звук был хорош всегда. Мой друг узнавал по голосам всех политических обозревателей. Очень уважал Валентина Зорина, ибо тот не робел и смело подпускал в эфир какое-нибудь крепкое словцо, вроде альянса или проституции... Радовало мужика также, что Зорин не тараторил без умолку, а делал солидные паузы, куда Фёдор приноровился вставлять собственные фразы. Таким образом получалось что-то похожее на серьёзную беседу двух толковых людей. И – самое любопытное: иногда другу моему удавалось каким-нибудь верным замечанием заставить обозревателя призадуматься, а то вдруг и повернуть свой комментарий на 180 градусов... По крайней мере, Фёдору так казалось. И уж это воздействие объяснял он только телепатией.

С радиоточкой, которая страшно хрипела и квакала, поговорить не то чтоб совсем не было возможности, но мужик считал такие разговоры ниже своего достоинства. Старый треснувший громкоговоритель, висевший над рукойомником, конечно, не мог представлять из себя подходящего собеседника... Несколько раз Фёдор вообще порывался его выбросить («к чему за такую хреновину лишний налог платить!»), но, поразмыслив, решил: пусть висит – всё-таки, хоть и односторонняя, но связь с миром. Кроме первой программы радио, раньше оттуда – по

местному узлу – неслись то и дело призывы бывшего директора Пеклеванного: выполнить и перевыполнить... А это порой забавляло мужика до слез. Когда же директор переходил всякие границы приличия, можно было просто выдернуть штепсель.

Нынешний – Осьмудеев – «трепался» по радио значительно меньше, таково было мнение моего друга.

И когда по случаю пятидесятилетия мужика совхоз выделил средства на ценный подарок – приемник «Спидолу», – Фёдор не скрывал чувства удовлетворения. Подарок вручали в клубе под аккомпанемент гармошки Михея Ступина. И пусть мужик только делал вид, что утирает рукавом слёзы признательности, но оправдать доверие коллектива он пообещал искренне.

Однако не прошло и недели, в партбюро поступила очередная анонимка на Фёдора. Теперь сообщалось, что по ночам юбиляр, громко хихикая, наслаждается «Голосом Америки», кроет матом в несколько этажей, если слышимость плохая, и на работу выходит заспанный.

Обвинение было серьезным. Мгновенно отреагировав, парторг Шумовкин явился к Федору и начал разговор в возвышенных тонах:

– Для чего тебе «Спидолу» дарили? Чтобы голоса слушал всякие?! Скоро на всех таких «слушачей» управу найдут! И мы не посмотрим, что грамоты имеешь. Отберём приемник!

Мужик ничего не стал отрицать. Но отвечал внушительно.

– Я коммунист беспартийный, стало быть, ты надо мной не власть – это раз! А годишься ты мне, Витька, в племянники: это два! Значит, не ори! Это три! И права, тебе народом даденные, превышать не смей. И четыре: каждый сознательный должен врагов знать в лицо, чтоб своими ушами убедиться, какую они на нас здоровенную бочку катят...

– Но ведь я-то ничего такого не слушаю, – несколько растерявшись, возразил Виктор.

– Потому что у тебя «Спидолы» нет, – сказал мужик Фёдор.

Шумовкин временно исчерпал свои претензии. А конфисковать приёмник не посмел – действительно, не было у него таких прав. Однако меры всё же следовало принять. И, посоветовавшись с Осьмудеевым, он обнаружил выход – простой, как всё гениальное.

– «Спидола»-то у него от сети работает, Серафим Петрович, – хлопнув себя по лбу, сообразил парторг. – А батареек круглых нынче даже в Области не слышь, фонарик – и тот зарядить нечем.

Директор понял с полуслова, но как хороший хозяин засомневался:

– Зима на дворе, Шумовкин, – как бы коровники у нас не обмёрзли без электричества...

– Так сказано же в жалобе, что слушает он программу какую-то «для полуночников»... А мы, Серафим Петрович, с полуночи как раз отключать станем на часок-другой. Ничего, коровки наши привычные – потерпят. Я сам прослежу, чтоб все в ажуре было. Зато Фёдора от пропаганды отвадим!

В субботу в семь утра меня разбудил междугородний звонок. На линии был Фёдор.

– Ерепей, давай говорить по-быстрому, – тараторил мужик, – я со станции разговор заказал, но и здесь везде уши... Сей же час беги в магазин, купи мне двенадцать батареек для «Спидолы», нет, лучше восемнадцать штук – про запас... И вышли ценной посылкой сюда на станцию – до востребования.

– Да зачем «до востребования»? – удалось мне вставить вопрос. – Прямо в Опухлики вышлю на твое имя.

– Не вздумай, – зашептал в трубку Федор. – Перехватить могут! Вот что, и до востребования не высылай. Ночным поездом – с проводником передай. Завтра

на зорьке буду ждать у третьего вагона. Всё. Подробности – письмом... Будь здоров, Ерепей!

Просьбу мужика я выполнил в точности. И батарейки успели попасть в Опухлики за неделю до тех памятных снежных буранов, которые навалились на нечернозёмную Россию в декабре 1978 года.

А перед самым началом ненастья Шумовкину подбросили еще одну, будь она неладна, анонимку: «Группа земляков доводит до сельской партийной общественности, что, несмотря на еженощное пресечение тока, "Спидола" лжетракториста Гакова продолжает действовать. Боже, что творится: в полночь Федька во дворе спускает с верёвки кавказскую овчарку Персика, закрывает ставни в избе и силой внушения вызывает по "Спидоле" без электричества вражеский дух из Америки! Спрашиваем, до коих пор будет в родном селе это безобразие? Народ требует Федьку поймать с поличным, а приёмник изъять для общих нужд и передать более достойному».

Попади такая бумага в райком, дело могло бы обернуться крупным разбирательством с оргвыводами. Шумовкин с Осьмудеевым заперлись в директорском кабинете и молчком выпили самовар чая, раздумывая, что предпринять.

Но тут повалили снега.

Небеса побелели, набухшие тяжёлыми холодными хлопьями, и словно придавили Опухлики и Жирновку. Снег падал непрерывно – так густо, что не поднимешь глаза, и в течение суток на дорогах выросли огромные сугробы. Затем на несколько часов – как будто давая людям последнюю возможность привести свои дела в порядок – снегопад прекратился, и температура небывало повысилась, скакнув до десяти градусов тепла... В полях стали образовываться талые озерца. Чернеющие брёвнами избы походили на куриц, которые искупались в лужах и теперь отряхиваются от грязной воды. Старики не помнили таких природных аномалий...

– Не к добру это, ох, не к добру! – причитала бабка Акимовна. И оказалась права.

Срывая прогнозы метеорологов о постепенном похолодании, шквальный северный ветер хлестанул по селу внезапно. Мелкий ледяной град, как бекасинник, наискось ударил с неба. Быстро увеличиваясь, вскоре он принялся лупить картечью, загоня людей в укрытия. Обледенелые провода обвисли между телеграфными столбами и, всё тяжелея, раскачивались под зловещее завывание непогоды. Поднялась и пошла метель. Какая метель! В глубине её закручивались и вздымались буранные смерчи. Дымков над избами не было видно, хотя печи топилась без отдыха – иначе снег бы забил дымоходы доверху.

Свет в Опухликах погас. Прервалось телефонное сообщение. Это на линии в нескольких местах повалило деревянные столбы и лопнула проволока.

А стихия не унималась: немного сбавляя темп, вдруг начинала бушевать с усиленной яростью.

Персик уже давно перебрался из будки в избу и лежал у печи. Гончак Догоняй Патрикея Болотникова – тоже. Поблажка породистым псам неудивительна... Но и почти все мужики пустили своих дворняг в тепло, не выдержав их жалобного воя. Сердце первобытно робело перед необходимостью оказаться за порогом даже на несколько минут.

Второй вечер в домах, где не было керосиновых ламп или свечей, жгли лучины для освещения. И уже четвертый день в село не привозили газет.

Лежать бы лучше Акимовне в своей избёнке и отсыпаться на старости лет, а не бередить и без того встревоженные души односельчан... Но зачем-то, как белый призрак, носилась она по Опухликам в сосульчатом ватном салопе: напуская холоду, распахивала двери в чей-нибудь дом с глухим криком «шветопрештавле-

ние!» и, воспаряя неподшитыми валенками над мутным глубоким снегом, устремлялась дальше...

Правда, не дремала и администрация. В этих сложных погодных условиях Осьмудеев проявил себя с лучшей стороны. Вместе с Терентием Фоминым он тоже ходил по домам. Серафим Петрович появлялся вскоре после Акимовны, проходил в горницы в своём городском ратиновом пальто с каракулевым воротником и в кроличьей шапке с опущенными ушами, сморкался в платок и – пока заместитель переминался с ноги на ногу за его спиной – поддерживал павших духом:

– Всё в порядке, товарищи, всё в полном порядке. Жизнь в стране продолжается. На БАМе большие успехи... Есть хорошие новости: июнь будет тёплый с дождичками, отличные у нас виды на урожай!

Но мужики слабо верили ему – знали, что получить новости Осьмудееву было неоткуда.

В наиболее резкой форме общие настроения выразил Бердей Гузня. Выслушав директорские успокоения, он хмуро прокашлял:

– Может, французы, али еще кто, уже Москву взяли, покуда мы здесь в снегу по уши отсиживаемся.

Опешив, Осьмудеев отбросил церемонии и признался в своей неинформированности:

– Типун тебе на язык, старый хрыч!

Не выдержал и Терентий Фомин:

– Мало ему типуна, Петрович! Резать языки надо за такие кулацкие разговорчики!

– Да уж ты, папаша, загнул про Москву, – попытался сгладить ситуацию Трифон Гузня. – Да если хочешь знать, снег нам только на руку, случись война... Кто ж дойдёт до Москвы в такую круговерть? Все интервенты околеют к свиньям – без полушубков всех заметелит.

– Дураки вы малолетние! – цыкнул Бердей. – А ракеты ихние на что! «Правду» читать надо было, пока её привозили.

Возразить было нечего. Стихийное бедствие, увы, отрезало опухликовский совхоз имени А.С. Пушкина от всего белого света.

– Первоочередная задача, – сказал Осьмудеев, собрав у себя сельский актив, – связаться с Большой землей. А то как бы паника в народе не началась...

Все понимали справедливость этих слов. Ведь если и предположить, что метель вот-вот прекратится, всё равно в ближайшие дни трудно было рассчитывать пробиться куда-нибудь даже на тракторе: снегу вокруг намело невиданные горы! Значит, не скоро удастся подержать в руках газету, и электричество еще неизвестно когда будет...

Пришлось теперь пожалеть Серафиму Петровичу, что не прислушался в своё время к идее Фёдора Гакова закупить рации – хоть самые захудалые – для совхозной техники... Иначе запросили бы, конечно, район, область, столицу: «Как там у вас? Все живы?»... Или, на худой конец, подали бы сигнал «СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ», попросту – «СОС»: авось и откликнется кто-нибудь. Но, коли просигналить нечем, – на нет и суда нет.

В общих раздумьях родилась мысль, а не позаимствовать ли лошадку у Бердея Гузни (она оставалась единственной на всё село, поскольку научно-техническая революция зацепила Опухлики не вчера...), у него же позаимствовать сани и съездить на станцию за новостями, как встарь. Но Трифон, который в качестве завфермой присутствовал на активе, пояснил, что их семейная сивка в снегу утонет и пропадет ни за грош – безо всякой пользы для общества.

Более разумным представилось предложение упросить Патрикея Болотникова одеться потеплее, встать на свои широкие охотинспекторские лыжи и прорваться

сквозь вьюгу. Сходили за Патрикеем. Он выслушал просьбу, покачал головой: «Я – мужик, никогда не отказывался жизнью за народ рискнуть, однако же ветер с ног валит».

– Что ж, Патрикей Егорыч, риск – дело добровольное! – решительно поднялся Виктор Шумовкин. – Мы думали тебе, коммунисту, честь оказать... Давай мне лыжи! А замёрзнет в полях твой парторг – не поминай лихом!

Осьмудеев шагнул к Шумовкину, обнял его:

– Ты знаешь, Виктор Фомич, я и сам бы пошёл, да совхозом руководить некому будет. Ступай – верю, что дойдёшь. Если б хоть радио работало... А то, может, и правда уже в руководстве перемены, а мы и понятия не имеем. Как бы не обмишуриться...

– Да всё нормально в Москве, Серафим Петрович, – сказал Патрикей Болотников. – Не переменялась власть. А если только за радио дело стало, так у Фёдора «Спидола» работает... Никуда и ходить не надо.

Известие это привело собравшихся в замешательство. Тут же всплыла и последняя анонимка, и все обстоятельства, связанные со «Спидолой». Короче, о Фёдоре вспомнили.

– Патрикей Егорыч, сходи за ним! – взмолился Шумовкин. – Пусть принесёт приёмничек – послушать.

– Да вроде уж дело больно деликатное, – замялся Болотников, поскольку хорошо знал характер мужика.

– Лучше к нему всем миром постучаться, иначе заупрямиться может.

– Ну что ж, – решил Осьмудеев, – если гора не идет к Магомету... – И взялся за шапку...

Мужик, словно догадываясь, о чём пойдет речь, важно встретил гостей у самовара.

– Что, допрыгались, голуби, до циклона! – Не смог удержаться он от нравоучения. – Ну да ладно, неделю потерпеть осталось: антициклон уже зарождается над волнами Атлантики. Скоро снова электричество отключать по ночам сможете!

– Ты, Федь, брось всех в одну кучу валить, – одёрнул его Болотников.

– Да уж, – сказал Осьмудеев, – ты, Фёдор Фёдорович, не попомни зла: мы же как лучше хотели... Говорят, работает приёмничек, что тебе в юбилей вручали?

– Твоими с Шумовкиным заботами, Серафим Петрович... – уязвил Федор. – Не стали бы отключать – и я бы не допёр батарейками запастись. Нет худа без добра.

– Вот видишь, как все складно вышло, – согласился директор, – теперь «Спидола» твоя в совхозе единственное средство массовой информации. Сознаешь, какая ответственность! Так что выкладывай последние известия. Что там по России слышно? Чего говорят?

– Да разное брешут...

– То есть как это – брешут?!

– А так! – надулся мужик. – Будто по всей стране масло сливочное по карточкам дают – это вам что, не брехня? Никто его нам в Опухликах не даёт. Ни по карточкам, ни без них! Пять лет, почитай, в магазине его в глаза не видали. И ничего, обходимся, а кому нужно – сам съёшь... Брехня номер два: будто хлеб в Канаде за миллионы закупили. Какой же дурак такому поверит, когда мы всем недоразвитым помогаем! Дальше поехали: евреи дескать, из России бежать хотят... Третья брехня! Исаия Осипыча, что баром на станции заведует, все знают. Никуда он бежать не хочет – ему и здесь хорошо!

– Чего ты несешь, Федор, чего городишь? – возмутился Терентий Фомин. – Мы к тебе за делом пришли, а ты... Да отродясь такую чушь по радио не передавали!

Фёдор молча встал, принёс «Спидолу», определил её в центре стола, посмотрел на часы...

– Сами послушайте, щас начнется.

Присутствующие сгрудились вокруг приёмника, поднятую антенну заволокло табачным дымом.

Из глубины «Спидолы» – сквозь шипение и потрескивание – послышались слабые, но всё же членораздельные звуки: «Говорит "Голос Америки" из Вашингтона... Граждане и товарищи, дамы и господа...»

Виктор Шумовкин, как ошпаренный, отпрянул от стола.

– Выключи, Фёдор, выключи ради Христа! – Осьмудеев побледнел и слабо оттолкнул от себя антенну.

Мой друг нажал на кнопку выключателя:

– Как хотите, граждане и товарищи, была бы честь предложена...

– Лично я, Фёдор Фёдорович, – сказал директор с наигранным возмущением, – усматриваю в этом хулиганство с твоей стороны. Стыдно, Гаков! В такой момент над всем совхозом измываешься! Включай Москву, не то мы твое поведение отдельно обсудим.

– А у меня Москва не включается, – медленно произнес мужик, – такой уж приемник подарили – со знаком качества: вообще ни средние, ни длинные волны не берёт... Без знака этого покупать надо было, оно надежней. И нечего мне хулигана клеить – за такие слова и ответить можно!

– Вот мы сами проверим, берёт он Москву или не берёт. – Терентий Фомин склонился над «Спидолой». – Прове-е-рим...

– Крути, Терентий, крути... Только заранее предупреждаю: с волны собьешь, потом и Америку будем целый час разыскивать – передачу пропустим. Я, знаешь с какими трудами, настроил... А они щас и про антициклон передать могут, вот ей-богу! Может, про погоду и не сбрешут.

Фомин заколебался. А Патрикей Болотников неуверенно предложил:

– Давайте, того, не будем с волны сбивать, а то ведь и вправду...

Осьмудеев поманил Терентия и Шумовкина:

– Пошли, нам здесь делать нечего, остальным тоже присутствовать не рекомендуется.

Однако первым за директором двинулся Трифон Гузня, потом потянулись остальные. Последним избу покинул Болотников.

– Извиняй, Фёдор, – сказал он, замаявшись в дверях, – раз не рекомендуется, – значит, того... – И добавил шёпотом: – После заскочу, расскажешь, чего там и как...

Мужик Фёдор хмыкнул, налил себе кружку чая покрепче и включил «Спидолу».

Поздним вечером пришла заснеженная Степанида Шумовкина, вызвала Дусю в сени:

– Дусь, за Витю у меня волнения... В райком на ночь глядя идти надумал на лыжах – в такую-то непогоду. Спроси уж потихоньку у Фёдора, ходить Вите аль нет. Мы ж с тобой подруги давние.

– Да ты в избу пройди, Степанида.

– Нет уж, Дусь, я тут подожду. Витя не велел...

Через минуту Дуся вернулась:

– Фёдор сказал, не надо ходить.

– Аха, спасибо тебе, подруга, – понятиво закивала Степанида и убежала.

К рассвету метель утихла – так же внезапно, как началась. Потеплело. Густой туман окутал Опухлики. Млечная тишина таила неизвестность. Беспokoйно было и на душе у Серафима Петровича. Он без аппетита позавтракал и как раз укрепил

себя в мысли поторопиться в контору – ждать новостей на рабочем месте, когда, увязая в снегу, к его дому пробился запыхавшийся Трифон Гузня.

– Ты вон, Петрович, галстук завязываешь, – выпалил он, – а всех нас, может, уже и на свете нет...

И, разминая дрожащими пальцами папиросу, Трифон рассказал, что ночью американцы передали, будто целый район Центральной России похоронен под снегом, а какие-то два села, дескать, начисто исчезли с карты – затерялись в безвоздушном пространстве, втянутые в воронку циклона... И ещё сообщили: о количестве человеческих жертв Москва молчит!

– Сердце чует, – с придыханием сказал Гузня, – про нас это и про Жирновку соседнюю. Может, мы от земли уже оторвались и в космосе где витаем? Что тогда? Тогда гори всё пропадом, и дом, и скотина. А если не оторвались ещё, надо скорей народ пересчитывать: вдруг да втянуло кого-нибудь в воронку эту в индивидуальном порядке...

– Ты что же, своими ушами про безвоздушное пространство слышал? – спросил Осьмудеев, наморщив лоб. – «А если – правда?» – мелькнуло вдруг в его голове.

– Да нет, не был я там! – запричитал Трифон. – От Болотникова слышал, он – от Фёдора.

– Бред! – убеждая сам себя, тряхнул чубом Серафим Петрович. – Повторяю: бред! Как же это нас нет, когда вот он я – есть! Даже если вокруг ничего нет, мы – объективная реальность, материя. Понял, Трифон? Значит, ничего не меняется. Я здесь директор. Сколько раз их пропаганда наши идеи хоронила – не вышло!

– Так вот, и я говорю, – испуганно произнес Гузня, – может, вокруг ничего нету...

– А «Голос Америки» откуда, по-твоему, Фёдор принял – с того света?

– Так ведь и в космос, Петрович, сигналы, известное дело, доходят... – нашелся Гузня.

– Ишь ты! Их сигналы доходят, а наши, советские, не доходят? Ох, мутит Федор воду!

– «Спидола» же у него барахлит...

– Говоришь, барахлит... А сядешь анонимки писать – не барахлит?

– Истинный Бог, Петрович, не я писал.

Неизвестно, как долго протекала бы такая беседа, если бы внезапно с улицы – ясно – не донеслись звуки «Интернационала».

Забыв пальто, Серафим Петрович вышел из дома. Гузня выскочил за ним. На площади у конторы, высоко держа переходящее красное знамя, взятое из клуба, стоял старый Бердей. Тут же под знаменем, припав щекою к развернутой гармошке, обретался Михей Ступин. Рядом сменщик Фёдора тракторист Иван, сложив руки по швам, запевал басом: «Вста-вай, проклятьем заклеиме-е-енный...»

Уже подваливал народ, выныривая из тумана.

– Чья инициатива? – резко спросил Осьмудеев, с трудом вытаскивая ноги из снега и не оборачиваясь к Гузне.

Трифон поспешал за ним след в след.

– Наша, Петрович, твоя то есть: со знаменем по селу пройдем, людей пересчитаем – пускай все живые в строй становятся. За тем и шёл к тебе.

– Изволь впредь, Трифон Бердеич, ко мне на вы обращаться и остальным передай! – не к месту сказал директор со злобой. И моментально забыл об этом распоряжении, заметив, как подоспевший Виктор Шумовкин перехватил знамя из слабеющих рук Бердея.

– Что происходит! – чуть слышно бормотал на ходу Осьмудеев, не чувствуя холода. – Что за село такое мне подсунули! Ничего не понимаю... Массовое сумасшествие!

Тем временем толпа множилась.

Осьмудеев механически пожал протянутую руку Терентия Фомина и, поборов сомнения, по-хозяйски встал к знамени.

Михей Ступин перестал играть «Интернационал» и вопросительно смотрел на директора.

– Где Патрикей? Где Акимовна? – раздавались голоса.

– Да здесь Патрикей. Вот он...

– Нет Акимовны... Пропала бабка!

– Не пропала ещё – вон, кажись, печка её топится. И Фёдор – в избе остался.

– Как остался? Фёдор?!

– Глаза протрите – идёт Фёдор...

Действительно, мужик со «Спидолой» под мышкой уверенным шагом двигался к площади. Голоса смолкли.

– Слушайте все! – крикнул Федор. – Я приёмник силой воли отремонтировал. Щас Москва говорить будет.

Глубокий вздох прокатился в народе. Мужики от волнения сняли шапки, бабы вцепились в рукава мужей.

Фёдор крутанул звук на полную мощность. И с невероятной чистотой и протяжностью из приёмника прямо в души сельчан полилась песня:

ЯМ-ЩИК, НЕ ГОНИ-И-И ЛО-ША-ДЕЙ!
МНЕ НЕ-Е-КУДА БО-О-ОЛЫШЕ СПЕШИ-И-ИТЬ...

Десятки рук протянулись к моему другу, оторвали его от притоптанного снега и вознесли к небу...

– Да здравствует Россия! – сквозь слезы гаркнул Патрикей Болотников. – Качать Фёдора Гакова!

Фёдора со «Спидолой» понесли по селу. Осьмудеев, приняв у Шумовкина знамя, с бледным лицом, как пьяный, ступал впереди.

«МНЕ НЕ-Е-КУДА БО-О-ОЛЫШЕ СПЕ-ШИ-И-ИТЬ...» – звучало над непокрытыми головами и уносилось в пространство.